

Павел Анненков

**Литературный тип слабого
человека. По поводу
тургеневской «Аси»**

Павел Анненков

**Литературный тип слабого
человека. По поводу
тургеневской «Аси»**

«Public Domain»

1858

Анненков П. В.

Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской
«Аси» / П. В. Анненков — «Public Domain», 1858

«...Вероятно, редкий из наших читателей пропустил без внимания статью, в которой так очевидно показана связь литературных типов с живыми людьми и характерами эпохи и в которой слабость, бесхарактерность любовника, представленного нам автором «Аси», так искусно и ярко объяснены сомнительным нравственным состоянием этого лица и того класса, к которому оно принадлежит...»

Павел Васильевич Анненков

Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси»

Мне случилось весьма поздно прочесть замечательную статью г. Чернышевского в № 18 «Атеней» «Русский человек на rendez-vous»; но мысли, возбуждаемые ею, кажется, могут быть еще современны и спустя несколько месяцев после ее выхода в свет. Вероятно, редкий из наших читателей пропустил без внимания статью, в которой так очевидно показана связь литературных типов с живыми людьми и характерами эпохи и в которой слабость, бесхарактерность любовника, представленного нам автором «Аси», так искусно и ярко объяснены сомнительным нравственным состоянием этого лица и того класса, к которому оно принадлежит. Этот любовник или «Ромео», как его называет г. Чернышевский, оказался несостоятельным и ничтожным человеком тотчас, как только был поставлен лицом к лицу с истинной страстью, как только пришло время заменить размышление чем-нибудь похожим на поступок, словом, как только приведен он был неожиданно к *делу*. Дело застает этого бедного человека, точно одну из неразумных женщин притчи, с погашенным светильником ума и воли. Мы считаем самой блестящей стороною критики г. Чернышевского развитие той мысли, что, по законам неопровержимой аналогии, люди, подобные нашему Ромео, покажут одинаковое отсутствие энергии и способности действовать всюду, куда бы они ни были призваны, и убегут со всякого честного поля труда, какое представит им неожиданное сочетание обстоятельств или счастливый случай. При предполагаемом большинстве людей этого рода, общий вывод, конечно, не имеет в себе ничего очень утешительного.

Несмотря на живое впечатление, оставляемое статьей г. Чернышевского, никому, вероятно, не придет в голову отвергать существование между образованным классом общества, о котором только и речь идет, смелых, решительных людей и так называемых «цельных характеров». Мы разумеем под «цельными характерами» тех людей, которые следуют невольно и неуклонно, в больших и малых вещах, одним потребностям собственной природы, мало подчиняясь всему, что лежит вне ее, начиная с понятий, приобретенных из книг, до мыслей, полученных процессом собственного мозгового развития. Такие люди иногда скрывают, по расчету, животные инстинкты, сильно живущие и преимущественно действующие в их нравственном организме, но большею частью бывают увлечены ими и возвращены к основной черте своего характера – откровенности. Они редко колеблются в выборе образа действий: он уже подсказан им заранее собственной их натурой. Что подобные люди вместе с смелыми и решительными характерами должны существовать в каждом обществе, я думаю, не может быть сомнения; иначе пришлось бы с равной основательностью допустить гипотезу, что целая страна, и без помощи Альп, может быть населена одним поколением кретинов, или что, при известных обстоятельствах, она может целиком состоять из людей с расстроенными нервами и не иметь ни одного лица, награжденного здоровым позвоночным столбом. Логическая необходимость, также, как и правда жизни, одинаково требуют согласиться на некоторого рода уступку и признать возможность действительного существования твердых, стойких и предприимчивых характеров, хотя бы то было в таком малом количестве, в каком только угодно или можно себе вообразить.

Если положение наше справедливо, то значение статьи г. Чернышевского, может быть еще расширено, или – лучше – задача, которую она имела в виду, дополняется новой и отчасти родственной ей задачей. Каждый читатель именно может предложить себе вопрос навыворот, таким образом: «Каков русский *смелый* человек на rendez-vous и при других обстоятельствах?» Нам кажется, что тип бесхарактерного человека только тогда вполне и уяснится,

когда рядом с ним будет поставлен противоположный ему тип «цельного» современного характера и когда оба будут проверены один другим. Здесь однако ж, на первых шагах к исследованию, останавливает нас довольно замечательное явление: русская литература последних годов питает, видимо, необычайное отвращение к «смелому» человеку! Мало того что, по какому-то непонятному пренебрежению собственных выгод, она тщательно разрабатывает все один и тот же тип, весьма мало эффектный и, в сущности, чрезвычайно сбивчивый, благодаря его слабым, неопределенным и часто меняющимся чертам, но когда она нисходит к противоположному характеру смелого лица, то представляет его большею частью в комическом виде хвастуна, фразера, ужаса больших дороги всякого разумного порядка. Литература нисколько не обошлась великолепным типом самостоятельного человека, открывающим, по-видимому, средства для заявления свежести, мощи и поэзии таланта, а напротив, предоставила его вполне составителям трагедий из древней нашей жизни, где он и царствует в не менее комическом виде Ляпуновых, Курбских, Скопиных и т. п., едва ли понимающих сами, что говорят. Ответ на это странное явление, которое, пожалуй, посторонний примет за извращение эстетического вкуса и за пагубный пример ложных симпатий, может дать только исследование нравственных качеств «современного» цельного характера, да то же исследование вместе с тем и покажет окончательно: заслуживает ли смелый человек «нашего времени» лучшей участи, чем та, которая постигла его в литературе.

Мы с намерением сообщили вопросительной фразе нашей оговорки, прикрепляющую предмет нашего рассуждения к современности, к настоящей минуте и к известному, определенному порядку явлений. Всякое исследование должно быть необходимо ограничено условиями времени и местности, чем оно и отличается от литературного поучения, которое не имеет надобности останавливаться перед ними. Поучение литературное действует свободнее и независимее исследования: оно часто смотрит поверх жизненных явлений и далеко за ними, на дальнем и еще пустом горизонте, чертит пророческие слова свои. И сохрани нас Бог сомневаться в великой пользе этой работы поучения, открывающей медленному, всегда тяжелому ходу события его настоящую цель и единственную верную дорогу к ней. Оно опережает жизнь, но для того, чтоб обогатить ее сводом опытов и истин, почерпнутых в изучении самых законов, по которым развивается всякая жизнь. Никакому виду деятельности не предстоит, может быть, большей доли участия и труда в создании здравых идей о гражданской и жизненной самостоятельности (за идеями придут и люди), как поучению. Оно должно убедить наиболее легкомысленных, что горы сведений и все сокровища цивилизации суть только сырой материал, из которого сам человек прядет ткань своей жизни с красивым или безобразным рисунком, на пользу или на позор себе; поучению также предстоит объяснить, что познания, которыми человек гордится, условия общественной жизни, которыми наслаждается, и даже удовольствие созидать мысли до бесконечности даны ему благотворным действием общества, государства, и если в нем нет воли, энергии и потребности воздать обществу трудом своим хоть часто того, что им взято задаром — человек не заслуживает даже названия честного существа, на которое имеет большее право домашнее животное его заднего двора, лошадь или собака. Задач для поучения у нас множество. Чего стоит укоренить в общем сознании ту непреложную и старую истину, например, что деятельность на каком-либо поприще есть и единственное средство понять свое время, свое положение между людьми, т. е. единственное средство приобрести человеческий смысл. В сильной поддержке наставления нуждается у нас особенно всякий, кто захотел бы устроить собственную жизнь на каких-либо разумных основаниях, привести ее в некоторый порядок и снять с нее печать грубой случайности, жалкого изнеможения. Известно, что цель эта достигается не начитанностью, не познаниями, не путешествиями и салонными беседами, а тоже развитием воли и характера. Да и можно ли заранее перечислить всю благотворную работу поучения? Пять лет тому назад один из основателей новой школы естествоиспытателей в Германии высказал следующее замечание, которое нам кажется крайне дельным: «При

всех вопросах, не касающихся ежедневных нужд народа, развитие его посредством общих идей просвещения, которые только и делают нас людьми, составляет необходимейшую и может быть важнейшую задачу, чем самое удовлетворительное, отдельное исследование». Большой чести (и вполне заслуженной, прибавим) невозможно, кажется, отдать поучению, но и оно также имеет свои границы, как всякая сила на земле. Бывают случаи, когда поучение должно стоять на втором плане или, по крайней мере, выходить из другого источника, чем система или теория, без которых никакого поучения себе и вообразить нельзя. Случаи эти обыкновенно являются, когда общему обсуждению предстоит вопрос исторического рода, будь то факт древней нашей жизни, биографическое разыскание или неисследованная еще часть народной этнографии. Здесь поучение должно уступить место простому, мало эффектному, иногда даже мелочному разбору дела, подчиниться ему и покорно следовать за ним. Всякий раз, когда поучение изменяет этот порядок вещей, забегает вперед и, досадуя на помеху, делаемую его гордому, самостоятельному развитию, минует исследование или пренебрегает какой-либо частью его, оно еще сохраняет влияние на умы (так велико бывает действие общих идей просвещения!), но уже лишается достоинства всесторонней истины. К числу предметов, вызывающих преимущественно исследование, относится, по нашему мнению, и вопрос о литературных типах, за которыми неизбежно светятся лица и характеры данной эпохи и которые неизбежно заключают в себе материалы для истории ее нравственного развития. Общество, имеющее литературу и взятое целиком, даже думает литературными типами, а совсем не статьями и лекциями, так что любимый публикой образ может служить барометром, по которому легко узнается состояние мысли у многих тысяч людей, никогда ее не высказывавших. Вот почему к живым, увлекательным исследованиям г. Чернышевского хотим мы присоединить еще несколько строк с единственной целью узнать, насколько нам это возможно: так ли слаб и ничтожен бесхарактерный человек эпохи, как о нем говорят, и где искать противоположный ему тип, который по высшим нравственным качествам своим достоин был бы прийти ему на смену? Сохрани нас Бог от мысли сделаться защитниками людей неясного сознания, колеблющихся и обсуждающих свои планы вместо решительного действия, сомневающих беспрестанно в достоинстве собственных побуждений, беспрестанно мешающих самим себе из недоверия к нравственной своей основе, из ужаса провиниться в грубости, скрытном эгоизме и посягательстве на чужую личность, – преступлениях, которым они однако ж все-таки подвергаются на каждом шагу. Нет, мы вполне сочувствуем осуждению, какое изрекается мыслящими людьми на характеры подобного рода, и после этого искреннего объяснения считаем себя вправе всякий упрек в расположении к ним заранее причислять к разряду печальных недоразумений. Превосходное изображение относительной бедности содержания этих характеров, сделанное г. Чернышевским, нашло в нас глубокое сочувствие. Мы признаем верность всех положений его статьи, разделяем мнение почтенного автора как в целом, так и в подробностях; мы только говорим, что «покамест» такой характер (взятый отвлеченно, со всеми свойственными ему по натуре принадлежностями) есть единственный нравственный тип, как в современной нам жизни, так и в отражении ее – текущей литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.